

блюдать свое достоинство, отстаивать передь другими свои права (чего нельзя иначе сдѣлать, какъ унижая и оскорбляя другихъ), а внушается то, что ни одинъ человекъ не имѣеть никакихъ правъ и не можетъ быть ниже или выше другого; что ниже и позорнѣе всѣхъ только тотъ, который хочетъ стать выше другихъ, что нѣтъ болѣе унизительнаго для человека состоянія. какъ состояніе гнѣва противъ другого человека... Вмѣсто всего устройства нашей жизни отъ витрины магазиновъ до театровъ, романовъ и женскихъ нарядовъ, вызывающихъ плотскую похоть. я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ внушается словомъ и дѣломъ, что увеселеніе себя похотливыми книгами, театрами и балами есть самое подлое увеселеніе, что всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлью украшеніе тѣла или выставленіе его, есть самый низкій и отвратительный поступокъ. Вмѣсто устройства нашей жизни, при которомъ считается необходимымъ и хорошимъ, чтобы молодой человекъ распутничалъ до женитбы, вмѣсто того, чтобы жизнь, разлучающую супруговъ, считать самой естественной, вмѣсто узаконенія сословія женщинъ, служащихъ разврату, вмѣсто допусканія и благословенія развода... я представилъ себѣ, что намъ дѣломъ и словомъ внушается, что одинокое безбрачное состояніе человека, созрѣваго для половыхъ сношеній и не отрекшагося отъ нихъ, есть уродство и позоръ, что покиданіе человекомъ той, съ которой онъ сошелся, перемена ея для другой... есть жестокой и безчеловѣчный поступокъ. Вмѣсто того, чтобы вся жизнь наша была установлена на насиліи, чтобы каждая радость наша добывалась и ограждалась насиліемъ; вмѣсто того, чтобы каждый изъ насъ былъ наказываемымъ или наказывающимъ съ дѣтства и до глубокой старости, — я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ внушается словомъ и дѣломъ... что насиліе есть не только позорный поступокъ, но поступокъ, лишающій человека истиннаго счастья, что... высшее уваженіе заслуживаетъ не тотъ, кто отнимаетъ или удерживаетъ свое отъ другихъ, и кому служатъ другіе, а тотъ, кто больше отдаетъ свое и больше служитъ другимъ. Вмѣсто того, чтобы считать прекраснымъ и законнымъ то, чтобы всякій присягалъ... я представилъ себѣ, что всѣмъ внушается то, что разумная воля человека есть та высшая святыня, которую человекъ никому не можетъ отдать, и что обѣщаться съ клятвой кому-нибудь въ чемъ-нибудь есть отреченіе отъ своего разумнаго существа, есть поруганіе самой высшей святыни. Я представилъ себѣ, что вмѣсто тѣхъ народныхъ ненавистей, которыя подъ ви-